

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

С. В. Дарчиева

За сравнительно короткий исторический период с начала 1860 по 1917 г. самодержавие несколько раз меняло направление и принципы политики на Северном Кавказе. Выявление и анализ предпосылок, причин и факторов, оказавших существенное влияние на колебание правительственной политики в регионе, является одной из приоритетных тем в изучении политической истории Кавказа в составе Российской империи в конце XIX — начале XX в. В статье проанализированы основные направления административно-политической деятельности правительства на Северном Кавказе. Автор анализирует политический курс кавказской администрации и взаимоотношения наместника с местной властью в Терской области.

Ключевые слова: Кавказское наместничество, Терская область, И. И. Воронцов-Дашков, Городская дума, Г. В. Баев, реформы, правительство.

Over the comparatively short period, since the beginning of 1860 to 1917, the Russian autocracy changed direction and principles of its policy in the North Caucasus several times. Identification and analysis of the prerequisites, reasons and factors that have had a significant influence on such fluctuation of the government policy in the region, are one of the priority themes in the study of the political history of the Caucasus in the Russian Empire in the late XIX — early XX century. The article analyzes the main directions of the administrative and political activities of the government in the North Caucasus. The author analyzes the political course of the Caucasian administration and relationships between the Caucasian vice-regent and local authorities in the Terek area.

Keywords: Caucasian vice-regency, Terek area, I.I. Vorontsov-Dashkov, City Council, G. V. Baev, reforms, government.

После присоединения Северного Кавказа к России основной целью российского правительства стало превращение региона в неотъемлемую часть империи, максимально интегрированную в российскую социально-экономическую, политическую и социокультурную системы. Кавказский наместник И. И. Воронцов-Дашков дал точную характеристику проводимой политике правительства в крае: «Русские власти на Кавказе все свои силы и внимание сосредоточили на том, чтобы водворить в недавно покоренном крае мир и внешний порядок, создать здесь некоторую личную и имущественную безопасность и тем подготовить почву для проникновения в сре-

ду покоренных инородцев начал русской гражданственности и культуры» [1, 2].

В конце 60-х гг. XIX в. центральная власть и кавказское руководство начинают постепенное распространение на Северный Кавказ буржуазных реформ, проведенных Александром II в основной части империи. Фактически это должно было означать отказ от особой формы управления регионом, учреждение общегубернской системы, введение земского самоуправления, суда присяжных, независимость судебных органов от исполнительной власти. Тем не менее правительственные преобразования в регионе не принесли ожидаемых результатов. Важнейшие демократические

институты, явившиеся результатом модернизации общественной системы России, не были распространены на территорию Терской области [2, 158].

Политический кризис 1881 г. проявился в стремлении самодержавия усилить свои позиции за счет централизации власти. В начале 80-х гг. были предприняты шаги, направленные на упрощение системы управления Кавказом и слияние кавказских учреждений с общероссийскими. 23 января 1882 г. указом императора Александра III были упразднены Кавказский комитет и наместничество. В апреле 1883 г. введено в действие новое «Учреждение управления Кавказского края», следствием чего стало включение Кавказа в общегосударственное пространство Российской империи [3, 74].

Опыт централизации управления Кавказом из Санкт-Петербурга дал негативные результаты, а обострение общероссийской политической ситуации в связи с первой буржуазно-демократической революцией 1905-1907 гг. еще более дестабилизировало обстановку в регионе. Исходя из этого, самодержавие посчитало оптимальным восстановить наместничество и передать при этом наместнику ряд чрезвычайных полномочий, которые дали бы ему возможность «согласовать в своих решениях начала общегосударственной политики с местными потребностями» и «удовлетворять последние быстро, по возможности, в момент их возникновения, и... возбуждать перед законодательными учреждениями Империи вопросы о местных нуждах, вне зависимости от личных взглядов на них представителей центрального правительства» [4, 158].

Должность наместника на Кавказе была предложена графу, генерал-адъютанту Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову. По воспоминаниям писателя и общественного деятеля В.С. Кривенко, «граф Воронцов-Дашков... выделялся среди многих своей скромностью, простотой в обращении... С назначением на Кавказ круг деятельности графа Воронцова-Дашкова еще

более расширился. Полуденный край он знал с молодых лет, здесь он служил при наместнике князе Барятинском, и впоследствии всегда с особою любовью и вниманием относился к Кавказу. Продуманная, широкая программа была опубликована им вслед за вступлением в должность наместника. Этот документ, проникнутый гуманностью ко всем народностям и стремлением к правильной организации местных общественных сил, навсегда останется прекрасным заветом для управления Кавказом» [5, 458-460]. Нельзя не согласиться с автором этих строк.

Наместник наделялся полномочиями как в гражданской, так и военно-полицейской сферах управления. Вопросы, разрешение которых требовало участия верховной власти, решались только наместником. Ему непосредственно подчинялись все правительственные и должностные лица Кавказского края. Наместник имел право по собственному усмотрению определять, увольнять и перемещать в пределах края чиновников. Указом императора от 3 марта 1905 г. наместнику были предоставлены дополнительные полномочия, он одновременно являлся главнокомандующим войсками Кавказского военного округа, войсковым наказным атаманом Терского и Кубанского казачьих войск и по своему положению приравнивался к министрам [6, 32].

Получив назначение, Воронцов-Дашков начинает тщательно заниматься разработкой программы так называемой «умиротворительной политики» и урегулированием вопросов, связанных с его полномочиями и структурой административного аппарата. В представленной императору 12 марта 1905 г. всеподданнейшей записке Воронцов-Дашков отметил, что залогом успеха «политики умиротворения» является сотрудничество местной власти со всеми «благомыслящими людьми всех сословий и народностей кавказского населения» [7, 1-4]. В программе наместника Терская область выделена особо, т.к. именно там «замечено чрезвычайное развитие разбоя

и преступности». Это было связано с распространением революционного движения и революционной пропаганды в среде горцев. Однако необходимо учитывать, что степень влияния пропаганды на народы Терской области различалась. Это достаточно хорошо заметно, если сравнить требования, содержащиеся в петиции осетин от 20 июня 1905 г., и требования ингушей того же года, поданные генерал-майору Н. И. Михайлову для вручения наместнику [8, 53, 55]. В петиции осетин были высказаны требования как местного характера (отмены положения об учреждении управления Кубанской и Терской областей 1888 г. и введения общегубернских учреждений; введения широкого местного самоуправления; замены администрации Осетинского округа и участков выборными лицами из осетин; снятие лесных штрафов; права ношения оружия разного образца и т.д.), так и общедемократические (немедленный созыв народного представительства; равенство всех перед законом; свобода слова, печати, совести; всеобщее и обязательное бесплатное обучение и т.д.) [8, 53]. Данный документ свидетельствует о том, что осетинская интеллигенция весьма активно распространяла эти политические идеи в народе, в то время как у многих других горских народов интеллигенция только формировалась, поэтому ее воздействие на население было незначительным, а требования, переданные в петиции наместнику, носили локальный характер.

Однако гораздо сильнее революционной пропаганды на горцев действовало отсутствие сильной централизованной власти на Кавказе, способной адекватно реагировать на принятие решений по насущным проблемам региона, что в свою очередь провоцировало напряженность и открытые столкновения администрации и местных жителей.

Комиссия Владикавказской городской думы, избранная в 1905 г. и рассматривавшая вопрос о причинах грабежей и разбоев в области, отметила неэффективность

административного управления краем. К числу необходимых преобразований в административной сфере комиссией было отнесено: отсутствие земских учреждений, обширность административных участков, что не давало возможности постоянного контроля со стороны начальства; низкий уровень администрации и местной полиции; неудовлетворительность горских судов; невнимание властей к социально-культурным нуждам населения; военно-народное управление. Выводы комиссии были неутешительны: «поставленное вне действия общих законов, систематически преследуемое войсковым сословием, которому покровительствуют власти, туземное население разоряется, дичает, озлобляется и деморализуется, проявляя изредка недовольство в диких формах кровавого мщения или мятежа» [9, 91].

Предложенная Воронцовым-Дашковым программа предусматривала ряд важных преобразований. Прежде всего, наместник выступил против жесткой централизации управления, при которой не учитывались региональные особенности и не допускались никакие возражения. Централизация на таком обширном пространстве, как Российская империя, по его убеждению, таила в себе опасность разобщения. В этой связи он полагал необходимым усилить местное самоуправление, расширив его функции в качестве исполнительной власти, сделав его многовариантным применительно к конкретному региону. Задуманная Воронцовым-Дашковым модель управления предполагала сочетание внутрирегиональной централизации с ведомственной связью с правительственными учреждениями через их представительства в составе Совета — высшего при наместнике органа кавказской администрации [4, 157-160].

Воронцову-Дашкову принадлежит важное предложение о введении в Терской области земств, представители которых должны были избираться в Совет при наместнике. Весьма вероятно, что в дальнейшем этот Совет мог быть преобразован в

представительный орган парламентского типа. Включение в Совет местных представителей позволило бы, по замыслу наместника, усилить законодательные функции данного органа, а следовательно — и управленческую вертикаль на Северном Кавказе, что в свою очередь обеспечило бы достаточную в условиях империи автономию в управлении краем [10, 127].

При этом наместник стоял за введение внутрирегионального единообразия в системе управления — ликвидации военно-народного управления и замене его общей для России системой губернского управления. В новых условиях, по мнению Воронцова-Дашкова, такие характеристики системы военно-народного управления, как сосредоточение всей полноты власти в руках окружных начальников и содействие военной силы по требованию даже второстепенных администраторов, утратили прежнее значение. В настоящее время, продолжал Воронцов-Дашков, одно административное лицо уже не в состоянии исполнять обязанности, которые в губерниях гражданского управления распределяются между целым рядом должностных лиц разных ведомств [4, 125-126]. В конечном счете, заключал Воронцов-Дашков, это ведет к отсталости в культурном отношении местностей с «военно-народным» управлением, к отсутствию инициативы «культурных начинаний» у местного начальства, к инертности в управлении, к тому, что многие вопросы не разрешаются «не только годами, но некоторые — десятками лет». Наместник предлагал распространить на Северном Кавказе систему губернского управления [4, 127].

Департамент полиции, не поддерживавший в 1908 г. данную инициативу наместника, в качестве причины указывал на необходимость поднятия культурного уровня населения в местностях с военно-народным управлением.

Таким образом возникал парадокс: противники отмены военно-народной системы на Северном Кавказе говорили о

нежелательности данной меры, ввиду «исключительных свойств населения», по мнению других чиновников, эту систему необходимо упразднить, так как она тормозила культурное развитие населения.

В программе наместника одной из важнейших задач являлось проведение земской реформы, имевшей большое значение для социально-экономического и политического развития региона. В качестве подготовительного этапа предлагалось провести обсуждение на местах проектов по введению земского самоуправления. Воронцов-Дашков разработал план, по которому должны были созываться особые временные окружные и областные, а также уездные и губернские совещания по вопросу о введении земства, с привлечением к обсуждению представителей местного населения. Стремление кавказских властей привлекать представителей местных общественных деятелей к решению вопросов организации жизни общества, учитывать их мнение являлось свидетельством перемен в самом российском обществе [11, 70].

В ходе многочисленных обсуждений поднятого вопроса кавказскими чиновниками и местной общественностью выделились две противоположные точки зрения. Противники введения земства на Кавказе ссылались «на отсутствие культурности и развитой общественной жизни» у местных народов и, соответственно, лиц, способных двигать местное земское дело [12].

В противовес этому мнению автор проекта-положения о земском управлении Владикавказского округа, гласный Владикавказской Думы и заместитель городского головы Г.В. Баев аргументирует необходимость введения земства тем, что «...только на прочном базисе широкого местного самоуправления возможно создание прочного конституционного государства, возможно сохранить и хорошее старое и в полной мере воспользоваться работой человеческого гения в великом деле обновления жизни» [13]. Далее Г. Баев отмечает необходимость координации рабо-

ты всех ветвей власти, в частности работы Государственной думы, с органами местного самоуправления: «Государственной думе предстоит поистине колоссальная задача по обновлению государственной жизни... Единственный практический способ для немедленного облегчения Государственной думе лежащей на ней работы — это передача части этой работы органам местного самоуправления — широкая децентрализация управления, на которую указывает и циркуляр правительства» [13].

По мнению Баева, земское самоуправление необходимо создавать с учетом местных особенностей и с обязательным сохранением самостоятельности: «Местные органы самоуправления, подчиняясь государственной власти, должны в то же время сохранять определенную самостоятельность в отведенной их компетенции в местных делах» [13]. И далее Баев, подытоживая свои мысли, пишет: «Только при организации на всем пространстве империи широкого самоуправления можно сделать из государства живое мощное целое, и это не позволит ему оставаться... мертвым механизмом, каким оно неизбежно становится при исключительном господстве, с сопровождающей ее бесконечной регламентацией и формализмом» [13].

Земского самоуправления в Терской и Кубанской областях не было введено, так как Военное министерство и МВД выступили против, считая, что эта форма самоуправления не подходила казачеству [14, 9-10].

Во всеподданнейшей записке с программой управления Кавказским краем, представленной императору царю Воронцовым-Дашковым в 1907 г., в качестве одного из основных ее направлений выделено решение земельного вопроса. Острота земельного кризиса в Терской области была осознана властями лишь в ходе первой российской революции 1905-1907 гг. Были необходимы такие действия со стороны администрации, которые вызвали бы доверие населения, прежде всего — горского. Уже в

1906 г. была создана землеустроительная комиссия, председателем которой был назначен юрисконсульт Штаба Кавказского военного округа Я. К. Абрамов.

Кавказский наместник, отлично представляя аграрные проблемы в горах, в феврале 1908 г. писал в секретной записке помощнику министра финансов А. В. Кривошеину: «Осетины Терской области, занимаясь исключительно сельским хозяйством, крайне стеснены в земельном отношении. Если в плоскостных осетинских селениях, наделенных землею на общинном праве еще в 60-х годах прошлого столетия, уже давно ощущается недостаток в земле и где, вследствие прироста населения и семейных разделов, тысячи дворов фактически являются безземельными, а половина населения пользуется общинным наделом, то в горной Осетии недостаток земли дает о себе чувствовать в гораздо более острой форме» [15, 17-18].

Необходимость справедливого законопроекта о землеустройстве неоднократно подчеркивал в своих публикациях и член Владикавказской городской думы Г. В. Баев. Разработанный поземельной комиссией проект он считал в корне неверным, поскольку суть документа состояла в стремлении лишить местное население права на земельную собственность, обратить эти земли в казенные, а горское население — в государственных оброчных крестьян [16, 13-14].

По распоряжению наместника временный генерал-губернатор Терской области А. С. Михеев в феврале 1909 г. провел совещание с ответственными чиновниками областного правления, на котором вновь была подтверждена необходимость создания землеустроительной комиссии. Распоряжением Воронцова-Дашкова Баев был допущен к работе правительственных комиссий, где последовательно защищал права горцев на землю.

В итоге всех совещаний и заседаний областного руководства, работы землеустроительной комиссии закон о выходе горцев

из общины распространения в округах не получил. Все земли округов, на которых (особенно в горах) местное население жило веками, были признаны казенными, находящимися в пользовании у горцев. Аграрная реформа не была проведена среди основной массы населения Терской области [17, 475].

Столыпинские преобразования постепенно отражались на горском населении, неизбежно втягивая его в водоворот капиталистических производственных отношений. Развитие товарно-денежных отношений, широко проникавших в быт горцев, обусловило увеличение поставок на рынок скотоводческих продуктов и изделий кустарных промыслов (осетинский сыр, бурки, паласы, войлок, сукно). Естественно, что развитие скотоводства, как и других отраслей хозяйства горцев, зависело от решения их земельного вопроса.

Как улучшить экономическое положение крестьян, поднять благосостояние народа, какими методами и механизмами возможно решить проблемы хозяйственного развития Терской области и Осетии — эти и другие вопросы были в повестке работы Городской думы Владикавказа. Баев предложил проект приспособления горских хозяйств к современным условиям путем развития кооперации крестьянских хозяйств, ведущей к укрупнению и улучшению агропроизводства, повышению товарности и производительности труда. Через кооперацию определялся основной способ органического вхождения крестьянского уклада в современную рыночную экономику, который позволял устранить его слабые стороны и одновременно сохранял привычный образ жизни. «Значение кооперативных союзов для земледельцев выражается в следующем, — отмечал Г. Баев, — 1) прежде всего кооперация создает условия для прочного, устойчивого крестьянского хозяйства, способного к дальнейшему развитию; 2) имеет важное нравственное значение, — на почве достижения общей цели развивается членами ее взаимное

уважение и поддержка; 3) союз более кредитоспособен, чем отдельное хозяйство» (цит. по: [18, 12]).

Стараниями Баева были созданы первые сельские банки в селении Ольгинском и кредитные товарищества, где крестьяне имели возможность получить ссуду под незначительный процент. Он также добился для осетинских крестьян права пользоваться кредитами государственного Крестьянского банка. Тем самым был остановлен процесс распродажи осетинских земель приезжим.

В числе необходимых преобразований в Терской области Воронцов-Дашков предлагал открытие школ, назначение сельских старшин не начальством, а избрание сельскими обществами и т.п. [19, 16]. Необходимым считал наместник разделение административной и судебной власти. Учитывая местные особенности, он предлагал учредить при мировых судьях институт выборных от населения, другими словами — присяжных заседателей [4, 132].

В начале XX в. судебная система Терской области продолжала оставаться сложной и неоднородной. Вопрос о введении суда присяжных заседателей поднимается в ходе первой русской революции под давлением местной интеллигенции. Для Терской области особую актуальность в рассматриваемый период приобрел вопрос о целесообразности упразднения горских словесных судов и передаче подведомственных им дел в общие суды.

Обер-прокурору общего собрания кассационных департаментов Сена-та Н. М. Рейнке было поручено провести инспекцию местных судов кавказского наместничества и составить критическую записку о недостатках горских народных судов. Обобщив собранные материалы, Рейнке пришел к выводу о необходимости упразднения «мнимой юстиции» среди горского населения и «подчинить последнее мировым и общим судебным установлениям; этого настоятельно требуют разумный интерес самих горцев, культурные

задачи соседнего с ним русского населения и, наконец, общий государственный интерес» [20, 1-3]. Местные общественные деятели в свою очередь так и дополнили отчет сенатора списком недостатков горского народного суда: несоответствие многих устаревших адатных норм изменившимся условиям жизни горцев; произвол и злоупотребление переводчиков; незнание председателем местных языков [21].

Результатом инспекции Рейнке стал документ «Проект основных положений об устройстве судебной части для горского населения Кубанской, Терской, Карской, Батумской, Дагестанской и округа Закавказья», который рассматривался Советом министров в 1911 г. [20]. Проект предусматривал отмену горских судов и передачу подведомственных ему уголовных и гражданских дел в ведомство мировых и общих судебных установлений. С согласия сторон допускался разбор гражданских споров третейским присутствием при мировых участках под председательством мирового судьи и двух депутатов от народа. Дела шариатские решаются кадием, но мировой судья утверждает решение кадия. Апелляционной инстанцией должен был стать Правительствующий Сенат [20, 52].

III Государственная дума в 1913 г. рассматривала законодательное предположение о введении учреждения суда присяжных заседателей в Терской области. В целом, поддерживая аргументацию кавказского наместника, депутаты подчеркивали, что суд присяжных, «приобщая туземцев ко всему строю русской гражданской правовой жизни», явится фактором сближения «разнородных элементов» населения области [22, 8]. При обсуждении данного предположения на заседании Совета министров выступил министр юстиции И. Г. Щегловитов, предложивший ввести суд присяжных в Терской области только в казачьих отделах и Нальчикском округе. Население других округов, по мнению министра юстиции, не готово к восприятию суда присяжных как «суда общественной

совести... будучи некультурным вообще и, в частности, в правовом отношении» [22, 6, 8]. Депутатский корпус IV Государственной думы до начала Первой мировой войны не успел рассмотреть этот вопрос, а во время войны его оттеснили другие дела.

В ряду выдвигаемых наместником мер по экономическому развитию края особенное значение придавалось железнодорожному строительству. Воронцов-Дашков считал необходимым строительство перевальной железной дороги через Главный Кавказский хребет, которую он расценивал как жизненно важную коммуникацию между Закавказьем, Северным Кавказом и Центральной Россией, имевшую не только экономическое, но также политическое и стратегическое значение, возрастающее в свете надвигавшейся Первой мировой войны. С 1873 г. этот вопрос неоднократно поднимался и рассматривался Советом министров и Сенатом. Существовало два проекта для решения этого многолетнего вопроса. Первый, Владикавказский вариант, предлагал сооружение железной дороги в направлении Владикавказ и далее к центру Кавказского наместничества — Тифлису. Второй, Карабулакский вариант, был отклонен после технических исследований почвы.

Представители Владикавказа, принимая во внимание всю важность для экономического развития не только города, но и всей Терской области, сооружение железной дороги, обращались к правительственной власти с письменными докладами, в которых аргументированно проводилась мысль о выгодности Владикавказского проекта. В 1909 г. министр путей сообщения С. В. Рухлов принял делегацию депутатов городской думы Владикавказа, где представители города представили подробнейшую записку Владикавказского варианта перевальной дороги. Автором записки был Г. В. Баев. В 1910 г. во Владикавказ была направлена комиссия под председательством члена Государственного совета инженера Н. П. Петрова, с участием ино-

странных специалистов, для решения вопроса о возможности проложить туннель через Архонский перевал. Через него предлагал проложить трассу и Ф. Д. Рыдзевский — инженер, по проекту которого был построен Сурамский тоннель, долгое время бывший самым протяженным в стране.

После многолетних изысканий наместник добился окончательного проекта по сооружению дороги и в 1912 г. Правительство декларировало, что «в области расширения железнодорожной сети за счет казны будут внесены предложения о сооружении Перевальной дороги на Кавказ» [23, 1]. Однако и этот проект государственной важности остался только проектом.

Начавшаяся вскоре Первая мировая война внесла свои коррективы, и политико-административные проблемы управления Кавказом на время утратили свою актуальность. 23 августа 1915 г. наместником и командующим Кавказским фронтом стал великий князь Николай Николаевич. Однако осенью 1916 г. политическая обстановка обострилась, и Кавказ вновь оказался в революционном движении. 11 марта 1917 г. наместник был уволен с должности. После Февральской революции вместо Кавказского наместничества Временное правительство учредило краевой орган — Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ). Кавказское наместничество, представлявшее собой самостоятельную административную структуру в общей системе имперского управления, было окончательно ликвидировано вместе с монархией 1917 г.

Подводя краткий итог вышесказанному, приходим к следующим выводам:

последнее десятилетие имперского управления на Северном Кавказе показало, что военно-народная система управления, созданная после завершения Кавказской войны для обеспечения стабильности в регионе, исчерпала свой потенциал; важнейшие демократические институты, явившиеся результатом модернизации общественной системы России, — введение земского самоуправления, административно-судебные преобразования — не были распространены на территории Терской области.

Острый социально-политический кризис на Кавказе побудил императора и правительство принять решение о восстановлении наместничества. Выработанные Комитетом министров на основе положений указа 12 декабря 1904 г. новые принципы правительственной политики на национальных окраинах стали основой для восстановления наместничества и программы «умиротворения» Кавказа с помощью либеральных реформ. Однако слишком самостоятельная политика наместника вызывала конфликт с петербургской бюрократией, что сказывалось на возможности быстро реализовывать намеченные реформы.

Российское правительство отказалось от коренных преобразований административно-политической сферы и реформы на Северном Кавказе остались нереализованными. Но эта политика была характерна для страны в целом, а неспособность и нежелание императора и правительства идти по пути последовательного реформаторства в феврале 1917 г. привели к падению самодержавия.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 455.
2. Дарчиева С. В. Реформы и контрреформы на Северном Кавказе: проблема выбора (конец XIX — начало XX вв.) // Власть. 2013. № 11. С. 156-159.
3. Мачукаева Л. Ш. Система управления Северным Кавказом во второй половине XIX — начале XX века (на материалах Терской области): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
4. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907.
5. Кривенко В. С. Памяти графа И. И. Воронцова-Дашкова // Исмаил-Заде Д. И. И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005. С. 458-462.
6. Законодательные акты переходного времени 1904-1906 гг. СПб., 1907.
7. ГАРФ. Ф. 677. Оп. 2. Д. 862.
8. Революция 1905-1907 годов на Тереке: Документы и материалы/Сост. А. К. Джанаев. Орджоникидзе, 1980. Т. 1.
9. Мачукаева Л. Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 85-103.
10. Исмаил-Заде Д. И. Система управления и российская бюрократия // Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003.
11. Дарчиева С. В. Общественно-политическая деятельность Георгия Васильевича Баева на посту городского головы Владикавказа (1905-1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-3 (48). С. 68-71.
12. Дигуров К. Нужно ли земство населению Терской области // Голос Кавказа. 1906. № 18.
13. Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Терек. 1907. № 36.
14. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 8. Д. 43.
15. Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии начала XX в. Орджоникидзе, 1968.
16. Баев Г. К поземельному устройству нагорной Осетии. Владикавказ, 1911.
17. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.
18. Айларова С. А. Идея кооперации в публицистике Г. В. Баева: к постановке проблемы // Известия СОИГСИ. 2011. Вып. 6 (45). С. 12-18.
19. Дарчиева С. В. К вопросу о взаимодействии центральных и местных органов власти в Терской области (1905-1915 гг.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 6. С. 13-19.
20. Рейнке Н. М. Горские и народные суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 2.
21. О горском словесном суде // Терские ведомости. 1904. № 6.
22. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 850.
23. Владикавказский вариант Перевальной через Кавказский хребет железной дороги в связи с проектом новой магистрали Владикавказ — Козлов. Владикавказского городского головы Г. В. Баева. Записка. СПб., 1914.